

Чу Фэнцин: «.....»

Это настоящая потеря для страны, что такой гений учёта, как Цзи Юйцзинь, не работает в Ведомстве налогов и сборов.

Опущенные ресницы Чу Фэнцина непрерывно дрожали, и на его губах, казалось, осталось тепло, которое ему не принадлежало. Он поджал губы, пытаясь прогнать это чувство вторжения.

В следующий миг он открыл рот и хотел что-то сказать, но заметил привкус алкоголя во рту. Он на мгновение опешил и вдруг осознал, откуда взялся этот привкус. Его лицо покраснело, и он прикрыл губы тыльной стороной ладони. Он сказал хриплым голосом, притворяясь спокойным:

— Цзи Юйцзинь, ты не можешь целовать меня просто так в будущем.

Цзи Юйцзинь прижал кончик языка к нёбу, и его кадык скользнул вверх-вниз. В нём не осталось никакого гнева; если что-то и оставалось, то давно уже полностью иссякло. Ему просто было до зуда охота снова обнять и укусить его. Это было чертовски соблазнительно! Это была не просьба не целовать его, это было явной провокацией!

Но он боялся напугать Чу Фэнцина. Он только что выпил несколько капель вина и на мгновение перестал различать восток и запад, юг и север. Он был импульсивен. Теперь, протрезвев, он не осмеливался бросаться вперёд. Он говорил с ним нежно, но держался на расстоянии. Если он поцелует его ещё несколько раз, он уже не будет знать, где искать свою жену завтра. Как было бы жалко, если бы он стал одиноким стариком, как Ли Юй.

Цзи Юйцзинь легко вздохнул, встал и подошёл к Чу Фэнцину, положил руки ему на плечи и опустил голову с заискивающим выражением:

— Прости, я тогда спешил. Я осмелился прийти только послушать музыку, а ты ходил... ну, кто бы не разозлился, услышав, что его возлюбленный ходил туда?

Неописуемый след чувства промелькнул на холодном лице Чу Фэнцина. Цзи Юйцзинь и впрямь не умел писать слово «обтекаемо». Почему он всё говорил так прямо? Хотя в этом не было ничего плохого, но это просто заставляло людей чувствовать себя неловко.

Он нахмурился и вздохнул:

— Я ходил навещать пациентов.

Цзи Юйцзинь потерял дар речи:

— Навещать пациентов?

Чу Фэнцин кивнул, слегка приподнял свои прекрасные глаза и начал сводить счёты:

— У меня нет такого досуга, чтобы слушать музыку и пить, как у тебя.

Цзи Юйцзинь: «.....»

Чу Фэнцин протянул свою нефритовоподобную руку, положил указательный и средний пальцы на его пульс и в следующий миг нахмурился ещё сильнее:

— Цзи Юйцзинь, ты знаешь, что остатки яда в тебе ещё не выведены? Почему ты пьёшь?

Цзи Юйцзинь неловко сказал:

— Трудно отказаться.

Это было правдой. С одной стороны, он и впрямь хотел, чтобы Чу Фэнцин послал кого-нибудь поискать его, чтобы он мог иметь хоть какое-то чувство существования. Но, в конце концов, он был их господином и не стал бы шутить с этим.

Но здесь есть кое-кто, кто не на его стороне, и человек за его спиной, естественно, подозрителен. Он хочет воспользоваться шансом, чтобы скормить ему ложную информацию, но сделать так, чтобы он в неё поверил, — задача не из лёгких. Никакая новость не может быть правдивее той, что исходит от него самого.

Вот почему он пришёл. Сеть, которую так долго плели на раннем этапе, пора затягивать.

Они обменялись коротким взглядом. Чу Фэнцин стряхнул его руку и сел за стол, бросив взгляд на Цзи Юйцзиня:

— Цзи Юйцзинь, давай устроим состязание в выпивке.

Состязание в выпивке? С Чу Фэнцином?

Глаза Цзи Юйцзиня слегка расширились, но Чу Фэнцин уже двинулся и налил слегка мутное вино в фарфоровую чашу, и аромат вина наполнил воздух.

Он протянул руку, поднял бокал с вином и выпил всё одним глотком. Острое вино обжигало горло, но его выражение лица совсем не изменилось. Было очевидно, что он мог пить довольно много.

Он уже собирался налить второй бокал, но Цзи Юйцзинь опешил и быстро протянул руку, чтобы остановить вино.

Цзи Юйцзинь был одновременно встревожен и зол и сказал глубоким голосом:

— Чу Фэнцин, ты стал очень способным. Разве ты не знаешь, что у тебя астма? Если астма будет спровоцирована, как ты думаешь, кому будет плохо? Тебе.

Чу Фэнцин небрежно сказал:

— Ничего, я взял с собой лекарство.

Лицо Цзи Юйцзиня помрачнело:

— А это лекарство хоть сколько-нибудь помогает? Кроме того, можешь ли ты гарантировать, что твоё лекарство будет действовать каждый раз? Что, если однажды...

Его кадык скользнул, и он не продолжил.

Чу Фэнцин поднял глаза и встретился с ним взглядом. Он сказал:

— Почему ты игнорируешь то, что понимаешь в отношении других, а когда дело касается тебя самого, ты просто пренебрегаешь этим?

Он серьёзно сказал:

— Цзи Юйцзинь, мои медицинские навыки не так уж высоки. Я не могу лечить многие трудные и сложные болезни. Я не могу вылечить тебя каждый раз. Что, если однажды даже я окажусь бессилен?

Его голос был всё ещё чистым и холодным, когда он говорил, но его неторопливый тон мог легко успокоить людей, словно в нём была какая-то магия:

— Хотя я не знаю многого, быть главой Сичана только выглядит славно, но на самом деле там полно опасностей. Ты можешь искать свою собственную месть, но каждый раз ты, кажется, не принимаешь себя всерьёз. Тебе не всегда будет так везти, ты не дух, которого не касались жизнь и смерть, так что...

— Цзи Юйцзинь, что бы ни случилось, всегда ставь себя на первое место.

Цзи Юйцзинь сильнее сжал вино, затем улыбнулся. Он вздохнул, выглядя огорчённым, но его

глаза были прикованы к нему, его лисьи глаза были удивительно яркими:

— Что мне с тобой делать?

Чу Фэнцин удивился, какое это имеет к нему отношение.

Цзи Юйцзинь подошёл к нему и сказал:

— Позволь мне обнять тебя ненадолго, совсем ненадолго.

Слабый аромат агарового дерева окутал всё его тело. Цзи Юйцзинь всегда был тёплым, и тепло продолжало просачиваться в него, пока он обнимал его. Чу Фэнцин поджал губы и протянул руку, чтобы потянуть его за рукава. Это молчаливое действие заставило тело Цзи Юйцзиня напрячься, а затем он обнял его ещё крепче.

Цзи Юйцзинь мягко сказал:

— Я могу только согласиться с тобой.

Чу Фэнцин мгновенно отреагировал, и крошечные улыбки промелькнули в его ясных глазах, которые собрались вместе и образовали луч света, но вскоре взорвались и рассеялись, вернувшись в спокойное состояние древнего колодца.

После того как Цзи Юйцзинь отпустил его, он взял его пульс и сказал:

— Ты только что пользовался тем, что я не умею проверять пульс. Ты не учишься хорошему, а учишься плохому. Как я смею не слушать тебя? Ты даже пьёшь вино. Ты хочешь увидеть моё огорчённое лицо?

Чу Фэнцин: «.....» О чём этот человек думает целыми днями?

Цзи Юйцзинь, казалось, угадал, о чём он думает, и изогнул нижнюю губу и небрежно сказал:

— О тебе.

Чу Фэнцин слегка опешил и беспомощно посмотрел на него, но мочки его ушей, скрытые в волосах, покраснели.

Цзи Юйцзинь не заметил этой маленькой детали. Он принёс вино, затем достал платок и тщательно вытер вино с пальцев Чу Фэнцина, не пропуская ни одного места.

Чу Фэнцин чувствовал себя неловко и хотел отдернуть руку, но не мог, так что просто позволил ему.

Цзи Юйцзинь вытирал, говоря при этом:

— Как ты смеешь пить алкоголь, когда у тебя астма? Я специально спросил Императорского лекаря Ли, и он сказал, что тебе нельзя есть раздражающую пищу, особенно алкоголь. Тебе также нужно носить с собой лекарство.

Позиции естественно поменялись, и они оба, казалось, не замечали этого.

Чу Фэнцин, который выглядел холодным, но имел сильный вкус, особенно к острой пище, помедлил, услышав слова Цзи Юйцзиня, слегка нахмурился и неодобрительно сказал:

— Императорский лекарь Ли не особо разбирается в астме, и вкус пищи имеет мало отношения к астме. Это съедобно.

Это значит, что он должен слушать его: он хочет есть острую пищу.

Цзи Юйцзинь подпёр подбородок рукой и склонил голову набок, уставившись на Чу Фэнцина, словно смотрел на какое-то редкое сокровище, с высоко поднятыми уголками рта, и улыбка в его глазах была почти невыносимой:

— Съедобно, не потому ли, что ты хочешь это съесть?

Чу Фэнцин: «.....»

— Конечно.

Цзи Юйцзинь улыбнулся, не желая лишать его немногих увлечений, и вместо того, чтобы разоблачать его, он подыграл ему и сказал:

— Хорошо, я отведу тебя поесть. Я знаю одну закусочную, где подают превосходную еду, одну из лучших в столице.

Чу Фэнцин отпустил бокал с вином, медленно встал, разгладил несуществующие складки на своей одежде, а затем медленно посмотрел на Цзи Юйцзиня, словно говоря: Пойдём, чего ты ждёшь?

Цзи Юйцзинь подпёр подбородок рукой, одетый в красное платье и ярко улыбающийся. Изысканная киноварная родинка под его глазом делала его ещё более пленительным, но в его

глазах была хрупкость драгоценного камня.

Небо было полно звёзд, но он мог видеть лишь один-единственный луч света.

Цзи Юйцзинь мягко сказал:

— Не прячься от меня в будущем, хорошо? Я не буду тебя принуждать, ты можешь подумать об этом медленно, но не прячься от меня. Если ты будешь прятаться, я буду волноваться и не знаю, что могу сделать.

Он был непокорным человеком и слишком долго делал всё, что хотел, так что ему было бы трудно измениться за одну ночь. Только Чу Фэнцин мог заставить его быть таким терпеливым и пытаться угодить ему мало-помалу.

Чу Фэнцин слегка сжал пальцы и опустил глаза:

— Цзи Юйцзинь, тебе не обязательно так со мной обращаться. Я не хочу принимать твою доброту без причины...

Он хотел сказать что-то ещё, но Цзи Юйцзинь прервал его:

— Когда всё уладится, и ты всё обдумаешь, если ты всё ещё захочешь прятаться от меня, я отпущу тебя. А пока позволь мне добиваться тебя.

Он помедлил и с улыбкой сказал:

— Моё сердце ясно, солнце и луна могут свидетельствовать об этом, и Цинфэн тоже должен быть в состоянии понять это.

У автора есть что сказать:

Цинфэн — это не неправильное имя; просто в сочетании с «солнцем и луной» перед ним оно произносится «Фэнцинда», что означает, что солнце и луна отражаются друг в друге, а Цинфэн — это настоящее имя. Фэнцин, вероятно, тоже это знает.

<http://bllate.org/book/17231/1616649>